

М. А. Бабкин

СВЯТЕЙШИЙ СИНОД ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ И СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ

В статье рассматривается отношение Святейшего Синода Православной российской церкви к свержению российской монархии в 1917 г. Источниковой базой исследования служат главным образом богослужебные книги, которые были исправлены высшим органом церковного управления в марте и апреле 1917 г. Исправления были сделаны, с одной стороны, в связи с Высочайшими актами от 2 и 3 марта — отречением императора Николая II от всероссийского престола за себя и за сына и «условным отречением» великого князя Михаила Александровича (некоронованного императора?) до вынесения Учредительным собранием решения о форме правления в России, с другой же стороны, в связи с переходом власти к Временному правительству.

С 3 марта 1917 г. Россия оказалась перед исторической альтернативой: быть монархией (с реальным шансом стать конституционной, учитывая обширную социальную базу ее сторонников) или республикой в той или иной форме. В условиях, когда отречение Дома Романовых от престола еще не состоялось, Св. Синод фактически объявил его «отцарствовавшим» и распорядился вместо молитв за царскую власть творить поминовение «благоверного Временного правительства». В общественно-политическое сознание православной паствы стало внедряться представление о легитимности смены власти, происхождении власти Временного правительства «свыше», а также о необратимости революционных событий.

Мотивы соответствующих действий членов Св. Синода объясняются в русле историко-богословской проблемы «священства—царства». Высшее духовенство стремилось уничтожить, свергнуть царскую власть как своего «харизматического конкурента», чтобы быть единственной властью, обладающей божественной природой и на практике доказать свой тезис о том, что «священство выше царства», «священство — вечно, божественно и непреложно, а царство земное изменчиво, брэнно и преходяще». В целом в рассматриваемый период члены Св. Синода выступили в качестве одной из составляющих сил российского освободительного движения. Библиогр. 58 назв.

Ключевые слова: Православная российская церковь, Святейший Синод, Революция 1917 г., Временное правительство, исправление богослужебных книг, богослужебные титулования, проблема «священства—царства».

Для цитирования: Бабкин М. А. Святейший Синод Православной российской церкви и свержение монархии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 522–544. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.306

М. А. Babkin

THE HOLY SYNOD OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE OVERTHROW OF THE MONARCHY

The article discusses the attitude of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church to the overthrow of the Russian monarchy in 1917. Sources are mainly drawn from liturgical books, which were fixed by the highest Church administration in March and April 1917. Corrections were made in respect of the Imperial Acts of 2 and 3 March — the abdication of Emperor Nicholas II from the Russian throne for himself and son — and the “conditional abdication” (pending the Constituent Assembly’s

Бабкин Михаил Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6; babkin.mikhail@gmail.com

Babkin Mikhail Anatol'evich — Doctor in History, Professor, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, Russian Federation; babkin.mikhail@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

decision on the form of government in Russia) on the part of the Grand Duke (the uncrowned emperor?) Mikhail Alexandrovich. Other corrections were made in connection with the transfer of power to the Provisional Government.

March 3, 1917, Russia faced a “historic fork” in its historical path: be it monarchy, (with a real chance to be constitutional, considering the vast social base supporting it) or be it a republic in one form or another. Before the actual abdication of the Romanov Dynasty had taken place, the Synod had essentially declared to have left the throne (“*otsarstvovavshim*”) and ordered instead of the prayers for the Royal power the creation of commemorations of the “right faithful Provisional government”. The legitimacy of regime change began to be inculcated into the socio-political consciousness of the orthodox congregation as well the origin of the power of the Provisional government as “superior” and the irreversibility of the revolutionary events themselves.

The respective actions of the members of Synod are explained in the mainstream of historical-theological problems of the “priesthood-kingdom”. The higher clergy sought to destroy, to overthrow the tsarist regime as its “charismatic competitor” to be the only power possessing divine nature, in order to prove its thesis that: “the priesthood is above the kingdom”, “the priesthood is eternal, divine and immutable, and the realm of the earthly changeable, transitory and temporary”. Overall, in the period under review, the members of Synod acted as one of the component forces in the Russian liberation movement. Refs 58.

Keywords: The Russian Orthodox Church, Holy Synod, the Revolution of 1917, the Provisional government, the correction of the liturgical books, liturgical titles, the problem of “the priesthood of the kingdom”.

For citation: Babkin M. A. The Holy Synod of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 522–544. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.306

В условиях наблюдающегося в современной России явления политизации религии становится актуальным исследование богослужебных книг Православной Российской церкви (ПРЦ) на предмет исторического развития в них формул поминовения государственных властей [Страхова 2007; Бабкин 2011, с. 160–183].

С 1448 г., т. е. с началом автокефалии (независимости) Русской митрополии от Константинопольского патриархата, и вплоть до 1943 г. у «господствующей» в России церкви не существовало официального, юридически зафиксированного наименования. В законодательстве и различной делопроизводственной документации высших органов управления Российской империи она называлась Православная Российская, Российская Православная, Всероссийская Православная, Всероссийская, Православная, Российская, Русская, Русская Православная, Российская Православная Кафолическая, Православная Кафолическая Грекороссийская, Православная грекороссийская, Православная Греко-Российская, Греко-Российская, Российская греческого закона и Российская Восточно-православная церковь. Нередко в одном и том же документе звучали разные варианты названий. При этом в начале каждого слова прописные и строчные буквы писались абсолютно бессистемно, а аббревиатуры (например, ПРЦ, ПГРЦ, РПЦ) не использовались.

По многовековой церковной традиции на каждом богослужении должны произноситься моления о государственной власти. Это очень важный момент в деятельности церкви в ее взаимоотношениях с правительством и верующим народом, поскольку церковная служба ориентирована не только на Бога, но и на человека, пришедшего в храм [Успенский 2002, с. 342, 359]. В период монархии молитвы о царе в храме буквально не сходили с уст: ежедневно все богослужения начинались и заканчивались поминовениями помазанника Божьего, власть царя в течение суток

славословились множество раз¹. Соответственно формулы поминовений государственной власти представляют собой своеобразные индикаторы политической позиции духовенства. Они также являются определенным средством пиара власти, создаваемым духовенством и ориентированным своим воздействием на паству.

Издавна считалось, что в богослужебных книгах содержится всё церковное учение: об этом говорят святые Отцы Русской церкви. Например, святитель Феофан Затворник (1815–1894) констатирует: «Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и всё нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг»². Тем не менее исследователями Российской революции практически не задействованы такие исторические источники, как богослужебные чины и молитвословия, хотя такого рода источники историкам известны [Сове 1970; Плетнева 1994; Кравецкий 1994; Поздеева 2000]. В работах специалистов, как правило, лишь упоминается, что в первые дни и недели Февраля 1917 г. высший орган управления ПРЦ — Святейший правительствующий синод — распорядился изменить в соответствии со сложившейся политической ситуацией богослужебные чины и молитвословия. Суть их сводилась к замене формул поминовений членов Дома Романовых на молитвы «о благоверном Временном правительстве». Детально комплекс измененных текстов исследователями не рассматривался. В данной статье предпринята попытка восполнить соответствующий пробел, что позволит с новой стороны увидеть политическую позицию членов Святейшего Синода в судьбоносные дни Февраля 1917 г., выявить фактически санкционированную на богослужениях PR-кампанию новой власти. В свою очередь, рассмотрение обозначенных вопросов приблизит читателей к пониманию анатомии российской революции³.

Прежде же укажем на следующие исторические процессы, проходившие с рубежа XIX–XX вв. в области взаимоотношений духовенства ПРЦ и государства. В тот период представителями высшей иерархии ПРЦ постепенно проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении, на десаκραлизацию царской власти и создание в определенной степени «богословского обоснования» революции.

Здесь стоит отметить, что православные императоры имели определенные полномочия в церкви, но вместе с тем в разграничении их государственных и церковных прав существовала большая неопределенность [Асмус 2003; Величко 2006; Бабкин 2013]. В результате создавался повод для постоянного недовольства духовенства своим «стесненным» положением, «угнетенным» из-за прямого или косвенного участия царя в делах церкви. Светская власть (народовластие), не вмешивающаяся в дела внутреннего управления церкви, дающая ей «свободу» действий и тем самым являющая свою благосклонность к религии, была более привлекательной формой государственной власти для стремившегося к «независимости» духовенства.

¹ См., напр.: [Служебник 1916].

² Цит. по: [Иларион (Алфеев) 2003, с. 60].

³ О предпосылках и причинах Революции 1917 г. см., напр.: [Миронов 2012, с. 563–703; 2013; 2015, с. 676–691].

Духовенство, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, желало увеличить свою власть за счет уменьшения прав верховной власти в области церковного управления. В сознание православной паствы постепенно внедрялось представление о царе не как духовно-харизматическом «лидере» народа и «Божием установлении» (помазаннике), а как о миряnine, находящемся во главе государства. Духовенство (в частности, члены Св. Синода) стремилось обосновать тезис о том, что между царской властью и какой-либо иной формой правления нет, по сути, никаких принципиальных отличий: всякая власть — «от Бога» (Рим. 13: 1–2). Кроме того, духовенство широко обсуждало новые модели церковно-государственных отношений, в которых не находилось места для императора как для помазанника Божьего. Рассматривая эти модели и понимая, что они могут реализоваться скорее всего лишь при смене в стране формы государственной власти, представители иерархии вполне допускали саму возможность такой смены. Основным мотивом соответствующих действий высшего духовенства было стремление разрешить многовековую историко-богословскую проблему «священства—царства» в свою пользу.

Основной вопрос названной проблемы — это вопрос о том, что выше и главнее, царская или церковно-иерархическая власть. Поскольку Господь И. Христос есть и Великий Царь, и Великий Архиерей («Царь царем и Архиерей архиереям»), то кого на земле (в мире дóльном) считать Его «живым образом», земной «иконой Его первообраза»? Царя или патриарха? У кого из них выше сакральный статус? Кто из них есть местоблюститель Христов, истинный помазанник Божий? Кто является проводником «воли Божией»? Через кого в Священной державе реально осуществляется «Божия власть»? Из этих вопросов вытекают и другие, подобные следующим: над кем нет никого, кроме Бога — над императором или над патриархом? Кто из них может судить всех, но не быть судим никем? Кто из них двоих, диктуя второму свою волю, «переступает границы» компетенции? Кто из них может низлагать другого?

Участвуя в десакрализации царской власти, т. е. волей-неволей выступая на сцене так называемого «освободительного движения», в предреволюционные годы духовенство способствовало прохождению в России секуляризационных процессов [Андреева 2003, 2009]. Наиболее ярко противостояние иерархов ПРЦ монархии (в контексте проблемы «священства—царства») проявилось в первые дни и недели Февральской революции [Российское духовенство... 2008, с. 23–424; Бабкин 2011, с. 197–556], после Высочайших актов от 2 и 3 марта 1917 г. — отречения от престола (за себя и за сына) императора Николая II, а также отказа (временного) от принятия верховной власти великим князем Михаилом Александровичем. В «Акте об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти» от 3 марта, в частности, говорилось: «Принял Я твёрдое решение в том лишь случае воспринять верховную (царскую. — М. Б.) власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит <...> в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему <...> прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству <...> впредь до того, как <...> Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа» [Об отказе в.к. Михаила Александровича... 1917, с. 534]. Речь шла не об отречении великого князя от престола, а о невозможности

занять престол без ясно выраженной воли всего народа. Великий князь (некоронованный император?) Михаил Александрович предоставлял выбор формы государственного правления Учредительному собранию. До созыва же этого собрания он доверил управление страной созданному по инициативе Государственной думы Временному правительству. Его намерение основывалось на имевших место в российском обществе мнениях о возможности существования в России конституционной монархии.

С 3 марта Россия оказалась в условиях исторической альтернативы: быть монархией (с реальной перспективой принять конституционно-монархическую форму) или республикой (в той или иной форме). Соответствующий выбор должно было сделать Учредительное собрание.

После прихода к власти Временного правительства высший орган управления ПРЦ был поставлен перед необходимостью отражения в богослужебных чинах новой формы государственного правления. Встал вопрос: как и какую государственную власть следует помянуть в церковных молитвословиях? 4 марта 1917 г. Св. Синодом были получены многочисленные телеграммы от российских архиереев с запросом о форме моления за власть [Об отречении... 1917, л. 1, 2, 4, 8–20, 22, 23, 25–30, 32, 34, 35]. В ответ первенствующий член Св. Синода митрополит Киевский Владимир 6 марта разослал от своего имени по всем епархиям ПРЦ телеграммы (66 внутри России и одну — в Нью-Йорк) с распоряжением, что «моления следует возносить за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное правительство ея». На следующий день, 5 марта, Синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему дому «отныне не провозглашалось» [Об отречении... 1917, л. 6]⁴.

Впервые вопрос о молитве за власть Св. Синод рассматривал 7 марта 1917 г. Его решением поручалось синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) произвести изменения в богослужебных чинах и молитвословиях соответственно с произошедшей переменой в государственном управлении [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 6–9.03.1917 г., л. 19]. Но, не дожидаясь решения этой комиссии, уже 7–8 марта Св. Синод издал определение № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома». Согласно этому определению всему российскому духовенству предписывалось: «...Во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление “о Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея”» [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 6–9.03.1917 г., л. 16; Указы Московской конторы Св. синода монастырю, л. 10–10 об.; «Церковные ведомости», 1917, № 9–15].

Анализ этого определения показывает, что, во-первых, в нем Дом Романовых уже 7 марта был провозглашен «царствовавшим»: еще до решения Учредитель-

⁴ См. также: «Кишинёвские епархиальные ведомости» (1917, № 9–10, Отдел офиц.), «Омские епархиальные ведомости» (1917, № 11), «Томские епархиальные ведомости» (1917, № 6–7, Часть офиц.), «Владивостокские епархиальные ведомости» (1917, № 6, Часть офиц.), «Иркутские епархиальные ведомости» (1917, № 5–6), «Оренбургские епархиальные ведомости» (1917, № 9–10), «Тобольские епархиальные ведомости» (1917, № 10), «Екатеринбургские епархиальные ведомости» (1917, № 10–11, Отдел офиц.), «Екатеринославские епархиальные ведомости» (1917, № 8, Офиц. отдел.), «Херсонские епархиальные ведомости» (1917, № 5, Отдел офиц.), «Русское слово» (1917, № 51).

ного собрания о форме правления и при фактическом отсутствии отречения от царского престола великого князя Михаила Александровича он стал поминаться в прошедшем времени. По роковому стечению обстоятельств в тот же день Временное правительство постановило арестовать отрекшегося императора Николая II и его августейшую супругу, что было исполнено 8 марта [Соколов 1998, с. 16–19; Журналы заседаний Временного правительства 1917, л. 15]. О реакции на это событие российского духовенства в архивах и других источниках нет никаких свидетельств. Кроме того, до революции существовала некоторая очередность в поминовении государственной и церковной властей. На мирных ектениях первым молитвенно поминался Св. Синод, а после него — император и Царствующий Дом, а на сугубых ектениях, на великом входе и многолетиях — в первую очередь император и Царствующий Дом, во-вторую — Св. Синод; по освящении св. даров «первенство» упоминания в «тайных» молитвословиях хотя и было за членами высочайшей фамилии, но на возгласе «В первых помяни, Господи...» первым значился Св. Синод. В определении же Св. Синода от 7–8 марта устанавливалась новая последовательность: на всех основных службах государственная власть (Временное правительство) стала поминаться после церковной. Другими словами, «первенство по чести» в измененных церковных богослужениях отдавалось церкви, а не государству [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 6–9.03.1917 г., л. 16; «Церковные ведомости», 1917, № 9–15, с. 58–59]⁵. На наш взгляд, объяснение этого факта находится в русле рассмотрения проблемы «священства—царства».

Третьей особенностью рассматриваемого синодального определения является фактическое упразднение «царских дней». «Царские дни» имели статус государственных праздников и объединяли дни рождения и тезоименитств государя императора, его августейшей супруги и наследника престола, дни восшествия на престол и коронации их императорских величеств. Эти «дни» носили ярко выраженный религиозный характер: накануне обязательно служилось всенощное бдение, в сами дни совершались торжественные молебны «о здравии, благоденственном и мирном житии» высочайших особ, а также крестные ходы. В дни восшествия на престол и коронации, как и на пасхальной седмице, полагался целодневный звон. Официально «царские дни» были отменены постановлением Временного правительства от 16 марта 1917 г. [О прекращении празднования царских дней... 1917, с. 1068]. Однако Св. Синод, упразднив поминовение «царствовавшего» дома и распорядившись не помянуть на богослужениях царскую семью, хронологически опередил и предвосхитил постановление Временного правительства об отмене этих государственно-церковных праздников.

Обращает на себя внимание и установленное Св. Синодом титулование нового правительства Благоверным, а страны — Богохранимой. Согласно терминологии, пришедшей в Россию еще из Византии, Благоверный и Богохранимый — это царские титулы. Первый из них, например, в императорской России был «усвоен» наследнику Всероссийского престола, поминавшемуся на церковных службах «Благоверным Государем Цесаревичем и Великим Князем». «Еще молимся о ...Благочестивых царях, и Благоверных царицах», — возносилось на заупокойных ектениях литургий. В допетровское время с этим титулом поминались сам царь и чле-

⁵ Для сравнения см., напр.: [Служебник 1824; Чинóвник... 1890; Служебник 1916].

ны его семьи: «О Благоверном и Богом хранимом царе и великом князе, имярек, и о его Благоверной царице и великой княгине, имярек, и о Благоверных царевнах, и о всех боярех и воех его, Господу помолимся» и «о Благоверном и Богохранимом царе и великом князе, имярек», — звучало на церковных службах в середине XVII в. [Служебник 1916, л. 10, 17, 51, 61, 99, 115, 116, 131–132; Служебник 1652, л. 26–26 об., 56, 101, 123, 191].

В энциклопедическом словаре конца XIX в. дословно говорится: «Благоверный — то же, что и правоверный, т. е. исповедующий истинную веру. Употребляется у нас при церковном богослужении как титул членов Императорской фамилии, исповедующих православную веру». Помимо этого, в современном издании указывается, что аналоги этого слова — «благочестивый», «правоверный» и «православный». Именно «Благочестивейшими» поминались на церковных службах императоры и императрицы. Более того, одно из значений слова «Благоверный» — название чина (лика) святых императоров, царей и князей⁶.

Второе из рассматриваемых титулований — Богохранимый. Им, например, поминались на церковных службах государи Алексей Михайлович и Петр Алексеевич [Служебник 1623, л. 11, 14 об. — 15, 35, 88, 99; Служебник 1652, л. 8–8 об., 26–26 об., 123, 191; Служебник 1655, л. 54, 65, 133–134, 153, 217, 248; Служебник 1655–1658, л. 57–58, 67, 111, 125, 212, 222; Служебник 1707, л. 5 об., 9 об., 27, 31 об. — 32, 51, 60].

Таким образом, члены Св. Синода, «усвоив» 7–8 марта 1917 г. Временному правительству названные титулы, не только дали для паствы практически однозначные политические и морально-нравственные ориентиры по признанию новой власти, но и в определенной мере «сакрализовали» новую власть. Вместе с тем нельзя не согласиться со справедливым утверждением, звучащим на страницах упомянутой Православной энциклопедии, о том, что Временное правительство не обладало какой-либо сакральностью (т. 7, с. 201).

Действия членов Св. Синода по изменению богослужений были, на первый взгляд, вполне последовательны и логичны, поскольку до 2–3 марта 1917 г. церковное поминовение царя носило личностный, персонифицированный характер (в большинстве случаев император упоминался в молитвах по имени и отчеству), упразднение молитвословий о царе казалось вполне закономерным. Однако вследствие отмены Св. Синодом поминовения «имярека» автоматически исчезла и молитва о самой царской, Богом данной власти (1 Цар. 8: 4–22), освященной церковью в особом таинстве миропомазания. Статья 65-я «Основных законов» Российской империи гласила: «В управлении Церковном Самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учреждённого» [Основные государственные законы... 1906, т. I, ч. 1, с. 15]. Иначе говоря, император в определенном смысле отождествлялся с самой царской властью. Упразднение же Св. Синодом молитв об императоре было тождественно уничтожению поминовения царской власти. Тем самым при сохранении молитвы о государственной власти вообще в богослужебных чинах произошло сакральное изменение: царская власть оказалась «десакрализована» и уравнена с народовластием. Таким образом был утвержден и провозглашен тезис: «Всякая власть — от Бога», соответственно и смена формы государственной власти, и революция — тоже «от Бога».

⁶ Подробнее см. Энциклопедический словарь 1891 г. (т. 7, с. 42) и Православную энциклопедию 2000-х годов (т. 5, с. 250–252).

При этом в некоторых богослужебных текстах поминание царя фактически носило вероучительный (т.е. в определенном смысле идеологический) характер. Так, в Богородичном тропаре утрени после произведенной Св. Синодом 7–8 марта богослужебной замены по всем церквям ПРЦ должны были произноситься такие слова: «Всепетая Богородице, <...> спаси благоверное Временное правительство наше, *ему же повелела еси правити* (курсив мой. — М. Б.), и подаждь ему с небесе победу» [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 6–9.03.1917 г., л. 16а; Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 9–24.03.1917 г., л. 70–73 об.]⁷. Этим «вероучительным» молитвословием Синод фактически провозгласил тезис о божественном происхождении власти Временного правительства. Такое песнопение, содержащее четкое указание на происхождение новой власти «свыше», в послефевральский период было весьма распространенным. Оно читалось не только на утрени, но и в чине освящения воинских знамен и последовании двух молебнов: первый из них — «певаемый во время брани против супостатов», а второй — «певаемый во время брани против супостатов, находящихся на ны (по-русски — на нас. — М. Б.)». Все три названных чинопоследования в условиях Первой мировой (или Великой) войны были весьма актуальны.

Весьма схожей с только что процитированным песнопением была измененная в духе времени одна из стихир утрени службы иконы Иверской (из «Минеи дополнительной»). Она была утверждена к повсеместному употреблению 7 апреля единолично архиепископом Финляндским Сергием (соответственно — без Св. Синода, находившегося на пасхальных каникулах). В ней молитвенно взывалось к Господу: «Помози благоверным правителем нашим, *их же избрал еси правити нами* (курсив мой. — М. Б.), и победы им на враги даруй»⁸. При этом весьма показательно, что о какой-либо реакции духовенства на «вероучительную новость» о божественном избрании Временного правительства сведений в источниках не обнаружено.

Подробный перечень богослужебных изменений, составленный синодальной Комиссией по исправлению богослужебных книг, был рассмотрен и утвержден определением Св. Синода № 1599 от 18 марта 1917 г. «Об исправлении богослужебных чинов и молитвословий». Изменения свелись к механической замене молитв о царской власти молитвами о «благоверном Временном правительстве». Вплоть до первых чисел марта 1917 г. форма поминания Высочайших имен августейшей фамилии, согласно форме, утвержденной императором 31 июля 1904 г., была такова: «О Благочестивейшем, Самодержавнейшем, Великом Государе нашем Императоре Николае Александровиче всея России; о Супруге Его, Благочестивейшей Государыне Императрице Александре Феодоровне; о Матери Его, Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Феодоровне; о Наследнике Его, Благоверном Государе Цесаревиче и Великом Князе Алексии Николаевиче, и о всем Царствующем Доме» [Службник 1916, л. 51–52, 129–130]. Причем в том же определении от 17 апреля 1917 г. Царствующий дом вновь был упомянут в прошедшем времени, т.е. в качестве как бы уже ушедшего в прошлое [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 6–9.03.1917 г., л. 16; Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 9–24.03.1917 г., л. 70–73 об.; «Церковные ведомости», 1917, № 16–17, с. 83–86].

⁷ См. также «Церковные ведомости» (1917, № 9–15, с. 59) и бесплатные приложения к указанным номерам (с. 4), бесплатное приложение и [1-ое] бесплатное приложение к № 22 (с. 2).

⁸ См., напр., бесплатное приложение [2-ое] к № 22 «Церковных ведомостей» (с. 2).

Фактически Дом Романовых высшим органом церковного управления был объявлен *«отцарствовавшим»*. С учетом же того, что молитвенное поминовение лиц династии Романовых (за исключением императора, императрицы, вдовствующей императрицы и наследника престола) осуществлялось непersonифицированно (как «...и о всем Царствующем Доме»), то можно утверждать, что единственным основанием для отмены поминовения в целом всего Дома Романовых послужило вышеупомянутое объявление 7 марта Св. Синодом этого Дома *«царствовавшим»* (в прошедшем времени). Иными словами, объявление Дома Романовых *«царствовавшим»*, равно как и упразднение молитв за принадлежащих к нему августейших особ (за исключением отрекшегося за себя и за своего сына Николая II, императрицы Александры Федоровны и, быть может, с определенными оговорками — великого князя Михаила Александровича), произошло по инициативе высшего органа церковного управления. Св. Синод буквально *«сверг»* (упразднил) богослужбное поминовение Царского Дома, хотя до решения Учредительного собрания о форме власти в России говорить об упразднении царского правления можно было лишь теоретически.

Смена государственной власти, происшедшая в России 2–3 марта 1917 г., носила *«временный»* характер и теоретически была обратима (в том смысле, что ограниченную с 23 апреля 1906 г. императорскую власть было возможно реформировать *de jure* в конституционно-монархическую). За такой вариант выступала, например, Партия Народной свободы (точнее — ее правое крыло). Лишь 25–28 марта 1917 г. кадеты на VII съезде партии внесли изменения в свою программу, констатируя желательность установления в стране республиканской формы правления (*«Вестник партии Народной свободы»*, 1917, № 1, с. 9). Члены же Св. Синода в первые недели марта 1917 г. фактически оказались левее кадетов.

За установление в России конституционной монархии открыто высказывались и некоторые члены Временного правительства: в первую очередь П. Н. Милюков и А. И. Гучков. Теоретически такой форме правления могли отдать предпочтение и представители самого многочисленного общественно-политического объединения — правых партий, а также консервативное крестьянство. Так что за конституционно-монархический путь развития России на Учредительном собрании могла высказаться — в случае своевременной официальной поддержки со стороны Православной церкви, политический курс которой определялся Св. Синодом, — весьма значительная и влиятельная часть электората.

Если А. Ф. Керенский провозгласил Россию республикой через шесть месяцев после революционных событий февраля-марта 1917 г., то Св. Синод *«молитвенно-духовно»* (и *«богословски»*, и *«богослужебно»*) сделал это уже через шесть дней. То есть членам высшего органа церковного управления принадлежит временной приоритет в узаконивании российской демократии (народовластия). Приоритет принадлежит им также и в изменении государственной, исторически сформировавшейся в Российской империи идеологии: своими определениями об изменении богослужбных книг Св. Синод фактически отрешился от второй составляющей державно-монархического лозунга *«За Веру, Царя и Отечество»*, символизировавшего эту идеологию.

В качестве еще одной из особенностей определения Св. Синода от 18 марта 1917 г. стоит отметить, что изменения им вносились не только в богослужбные

книги («Триодь Постную», «Цветную Триодь», «Служебник», «Требник», «Последование молебных пений»), но и в религиозные учебные издания, например в «Часослов учебный», по которому обучались и грамоте [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 9–24.03.1917 г., л. 70–73 об.; «Церковные ведомости», 1917, № 16–17, с. 83–86]. Получается, что Св. Синод «работал» на историческую перспективу с соответствующей «заботой» о подрастающем поколении. Причем изменения в тексте «Часослова учебного» были растиражированы отдельно — в качестве Бесплатного приложения к официальному еженедельнику «Церковные ведомости».

Согласно тому же определению в литургическую практику (а именно в помянник «Часослова учебного») было введено моление о центральных, местных и военных властях: «Спаси, Господи, и помилуй державу Российскую и благоверное Временное правительство ея, благоверных, правительствующий синклит, военачальники, градоначальники и все христолюбивое воинство... (и проч.)» [Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 9–24.03.1917 г., л. 73; «Церковные ведомости», 1917, № 16–17, с. 86; «Церковные ведомости», 1917, Бесплатное приложение [1-ое] к № 22, с. 4]. Строго говоря, поминовение высших сановников — «правительствующего синклита» и градоначальников — формально было оставлено прежним, дореволюционным. Но в новых реалиях смысл его уже был иной: моления возносились фактически за представителей центральных революционных властей и их ставленников на местах.

С учетом того, что церковь как Богом установленный институт состоит из двух частей — «земной» (или, иначе, «странствующей») и «небесной» (или «торжествующей») (подробнее см.: [Церковь 1913, с. 2328]), проведенные высшим органом церковного управления изменения богослужебных книг непосредственно «коснулись» и святых, пребывающих во Царстве Славы. Приведем ряд примеров. В службе святителя Феодосия, архиепископа Черниговского (память совершается 9 сентября) до Февральской революции говорилось, что этот угодник Божий «по блаженном успении, предстоя Престолу Святыя Троицы, со дерзновением» возносит усердные молитвы о пастве своей, «о благочестивейшем императоре нашем и о всей земли россиястей». Однако с 7 апреля 1917 г. по распоряжению архиепископа Сергия (Страгородского), председателя синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг, «земной» Русской церкви следовало поминать святителя Феодосия как возносившего молитвы не об императоре, а о «благоверных правителях наших»... То же относится и к преподобным Феодосию Тотемскому (память 28 января) и Сергию Радонежскому (5 июля). До революции о них говорилось (в настоящем времени), что они молятся «о христолюбивом нашем императоре» и «императору победительная на враги даровати», но после февраля в связи с политическими событиями в России — уже в иных формулировках, преподобные просили Господа «о благоверных правителях наших» и «христолюбивому воинству нашему победительная на враги даровати». До Февраля 1917 г. святитель Димитрий, митрополит Ростовский (служба 21 сентября) во Царствии Небесном молился «даровати мир и благоденствие миролюбивому императору нашему Николаю Александровичу, на враги победу и одоление, наследию же и державе его благоденствие», а с 7 апреля 1917 г. — «даровати мир и благоденствие богохранимой державе россиястей, воинству же нашему на враги победу и одоление». До свержения монархии преподобный Серафим Саровский (память 2 января) был «*благоверному царю* нашему

на сопротивных крепкий поборник» и «*благочестивому царю* нашему похвало», а после стал «*богохранимей державе российской* на сопротивных крепкий поборник» и «*церкви православной похвало*» [Часослов учебный 1908, л. 135; Минея дополнительная 1909, л. 7 об. — 8, 21, 74 об., 77, 94; Часослов учебный 1917, с. 86; «Церковные ведомости», 1917, № 16–17, с. 86; «Церковные ведомости», [2-ое] Бесплатное приложение к № 22, с. 1–4].

Таким образом, опираясь на такие источники, как богослужебные книги ПРЦ, можно констатировать, что Февральская революция своеобразно «коснулась» Церкви Торжествующей (Царства Небесного). Святые угодники Божии в связи с российскими февральско-мартовскими политическими событиями 1917 г., с позволения сказать, «переориентировали» свои молитвы. Если до того ими возносились ходатайства к Богу за православного императора (помимо, разумеется, прочего), то после свержения монархии, согласно исправленным чинам «земной части» церкви, во Царстве Небесном помазанник Божий святыми был как бы «предан молитвенному забвению». Вместо него в молитвах святых стала поминаться «богохранимая держава», «христолюбивое воинство» и «благочестивые правители» (т.е. члены Временного правительства *in corpore*). Причем эта «переориентация» вполне соответствовала измененным в первые недели 1917 г. — якобы «по объективным причинам» — богослужебным чинам и молитвословиям, изданным высшим органом «земного» церковного управления. В «послефевральских» богослужебных чинах и молитвословиях ПРЦ в отношении к свержению монархии было «закреплено» единомыслие в молитвословиях церковью — «земной» и «небесной» [Бабкин 2011, с. 830–862]. По словам о. Сергия Булгакова, «Россия вступила на свой крестный путь в день, когда перестала молиться за Царя» [Булгаков 1979, с. 256]. По сути, такой же точки зрения придерживается и Н. Тальберг, который летом 1920 г. отозвался о сделанных в марте 1917 г. изменениях богослужебных чинов ПРЦ аналогично: «С первых же дней революции <...> когда в храмах Божиих впервые начинали святотатственно возносить молитвы за “благочестивое” Временное правительство, ясно было, что Россия докатится и до большевизма, и до проигрыша войны» [Тальберг 2004, с. 481].

11 и 12 марта 1917 г. члены Петроградского религиозно-философского общества, обсуждая на своих заседаниях новые реалии церковно-государственных отношений, сочли действия, предпринятые Св. Синодом в первых числах марта, не во всем правомерными. Члены названного общества постановили довести до сведения Временного правительства следующее: «Принятие Синодом акта отречения царя от престола по обычной канцелярской форме “к сведению и исполнению” совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности факту, которым церковь признала царя в священнодействии коронования помазанником Божиим. Необходимо издать для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства» [Письмо религиозно-философского общества в Петербурге об отношении государства к Церкви, л. 1–2; «Петроградские ведомости», 1917, № 44, с. 2]. По сути своей действия членов Св. Синода действительно не обрели логического завершения, на что и указали члены Петроградского религиозно-философского общества. Тем не менее актом, предт-

вращавшим возможность «реставрации» монархии в России, фактически стала замена богослужбных чинов и молитвословий.

Своей правкой богослужбных книг члены Св. Синода на практике изменяли церковное «учение» о государственной власти, которое исторически утвердилось в богослужбных книгах ПРЦ и до марта 1917 г. было созвучно державной триединой формуле «За Веру, Царя и Отечество». Изменение смысла заключалось в «богословском оправдании» революции, т. е. в богослужбной формулировке тезиса о том, что «всякая власть от Бога»: как царская власть, так и народовластие. Члены Св. Синода дали понять, что сущностных отличий между царской властью и властью Временного правительства для них не существует, из чего следовало, что императору нет и не должно быть места в церкви и что не может быть царской церковной власти. Иными словами, власть царя преходяща и относительна, вечна, надмирна и абсолютна лишь власть священства, первосвященника: «священство выше царства». Таким образом, в богослужбной практике проводилась мысль о том, что смена формы власти как в государстве, так и в церкви (в смысле молитвенного исповедания определенного государственного учения) — явление не концептуального характера и вовсе не принципиальное. Вопрос же об «альтернативе» власти, т. е. о должном выборе Учредительным собранием между народовластием и царством, был Св. Синодом решен и богословски, и практически в пользу народовластия.

О «политической нагрузке» поминовений власти можно заключить также из последующей практики взаимоотношений церкви и государства. Например, в течение нескольких лет после Октябрьской революции вплоть до середины 1923 г. в церквях ПРЦ отсутствовало поминовение государственной (советской) власти. Известно одно исключение: 21 ноября 1917 г. при нахождении патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина) было вознесено моление «о <...> здравии и спасении властей наших <...> о поспешении и укреплении христоролюбивого воинства» [Деяния Священного Собора... 1996, с. 48]. В середине 1923 г. вышедшему из заключения патриарху Тихону было выдвинуто со стороны ГПУ (Государственного политического управления) ультимативное требование: Православная церковь может быть до некоторой степени терпима атеистическим государством, если признает советскую власть не только *de facto*, но и *de jure*. Актом юридического, открытого и прямого признания и санкционирования Советов должен был стать патриарший указ о введении поминовения властей за богослужениями⁹. Данным требованием ГПУ преследовало двоякую цель: с одной стороны, добиться признания своей «легитимности» со стороны ПРЦ (в чем в общем-то власть внутренне не нуждалась), а с другой — данное поминовение должно было внести определенный внутрицерковный раскол, отпугнуть, оторвать от духовенства православную паству не только политически, но и религиозно-нравственно.

Отказ ПРЦ от исполнения требования ГПУ явился бы демонстративным отказом от официально-юридического признания советской власти. Причем к тому времени, к 1923 г., и западноевропейские державы, и буквально все слои общества уже признали советскую власть (хотя некоторые и подневольно). В этих условиях со стороны патриарха Тихона было дано принципиальное согласие на издание ука-

⁹ Проповеди, послания и распоряжения патриарха, увидевшие свет до его ареста в мае 1922 г., свидетельствовали лишь о фактическом, но не юридическом признании рабоче-крестьянской власти.

за о поминовении советской власти за богослужением. Была выработана формула поминовения «властей» без выражения какого-либо — положительного или отрицательного — отношения к ним: «о стране Российской и о властях ея».

Протопресвитер Василий Виноградов писал, что начавшимся поминовением на церковных службах советской власти «отнималось ещё нечто дорогое для угнетённого народного сердца: здесь, в стенах храма, за богослужением, где всё оставалось неизменно по старине, русский человек чувствовал себя доселе как бы на блаженном острове (единственном только во всём царстве советского режима), на который ещё не проник вовсе этот режим. Здесь русский человек отдыхал душою не только религиозно, но и от всех кошмарных условий и впечатлений жизни под коммунистическим режимом. Здесь для него был драгоценный остаток другого мира — мира “Святой Руси”. Введение в богослужение упоминания Советской власти означало “ложку дёгтя в бочку мёда”. Таким образом, введение этого поминовения в богослужение угрожало патриаршей церкви глубоким потрясением как чувства народной привязанности к патриарху — а на нём-то главным образом держалась внутренняя незыблемая спайка всего организма патриаршей церкви, так и особенно тяготения верующих людей этой эпохи русской жизни к богослужению вообще и, в частности, к богослужениям именно в храмах патриаршей Церкви, где, в противоположность обновленческим храмам, религиозное чувство не было доселе оскорбляемо каким-либо проявлением общности с безбожной властью» [Виноградов 1998, с. 15–18].

В целом требование советской власти об определенном молитвенном поминовении характеризует ее своеобразную религиозизацию, которая проходила в процессе становления коммунистического режима как квазирелигиозной системы.

Уместно заметить, что Св. Синод в своих документах не использовал термин «народовластие». Однако выражение «власть народа» весной 1917 г. нередко употреблялось в проповедях и посланиях представителей иерархии ПРЦ, а также в материалах различных съездов духовенства. Термин «народовластие» употреблялся в отношении новой власти, пришедшей на смену самодержавному правлению. Например, от архиереев звучало: «Русский народ <...> взял теперь власть в свои руки под водительством нового, Богом данного правительства» (епископ Рыбинский Корнилий (Попов)), «С падением самодержавной царской власти, власть верховная возвратилась к народу» (епископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский)), «Единоличная власть государей прекратила своё существование; народ стал сам у власти; сам теперь великий русский народ свободно, как захочет, устроит свой общественный и государственный порядок; сам теперь решит судьбу свою» (епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов)). Также в резолюции Всероссийского съезда духовенства и мирян говорилось, что «с падением царского самодержавия вся полнота верховной власти перешла к народу»¹⁰.

Теперь несколько слов о богословском значении и смысле богослужебных текстов. На сей счет современный иерарх, митрополит Волоколамский (до 7 мая 2003 г. — епископ Подольский) Иларион (Алфеев), в настоящее время — председатель Отдела внешних церковных связей и член Священного Синода Русской

¹⁰ См., напр.: «Ярославские епархиальные ведомости» (1917, № 9–10, Часть неофиц., с. 109–110), «Омские епархиальные ведомости» (1917, № 21, Часть неофиц., с. 3–8), «Оренбургский церковно-общественный вестник» (1917, № 14, с. 1; № 15, с. 1), «Московский церковный голос» (1917, № 14, с. 4).

православной церкви, пишет следующее: «На мой взгляд, богослужебные тексты обладают для православного христианина неоспоримым богословским и учительным авторитетом. По своей догматической безупречности они следуют сразу же за Священным Писанием. Будучи не просто творениями выдающихся богословов и поэтов, но частью молитвенного опыта людей, достигших святости и обожения, богослужебные тексты по своему богословскому авторитету стоят, как думаю, даже выше творений Отцов Церкви. Ибо не всё в творениях Отцов имеет равную ценность и не всё получило общецерковное признание. Богослужебные тексты, напротив, признаны всей Церковью в качестве “правила веры”, ибо в течение многих веков читались и пелись повсеместно в православных храмах: всё ошибочное и чужое, что могло бы вкрасться в них по недоразумению или недосмотру, было отсеяно самим Церковным Преданием; осталось лишь чистое и безупречное богословие, облечённое в поэтические формы церковных гимнов. <...> Если в понимании какого-то догмата усматривается расхождение между, с одной стороны, тем или иным богословским авторитетом, а с другой — богослужебными текстами, я склонен отдавать предпочтение последним. И если учебник догматического богословия содержит взгляды, отличные от содержащегося в богослужебных текстах, то исправлять надо не эти тексты, а тот учебник. Тем менее допустимым я считаю исправление богослужебных текстов в угоду современным нормам “политической корректности”. По пути такого исправления давно уже пошли многие протестантские общины. <...> Всё, что говорилось выше о богословском авторитете богослужебных текстов, относится к “уставным” текстам богослужений суточного, седмичного и годичного [богослужебных] кругов, содержащимся в Служебнике, Часослове, Октоихе, Триоди постной, Триоди цветной и Минеях» [Иларион (Алфеев) 2013, с. 62, 68, 72].

Практически о том же пишет и архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) (1900–1985). Богослужебные книги он относит к так называемым символическим текстам Православной церкви, которые определяет как «все православные догматические памятники, выражающие от имени Церкви её веру и богословское учение». Архиепископ Василий говорит: «Православное вероучение выражается не только в официальных документах, символах веры, исповеданиях и соборных постановлениях, но и в церковном богослужении — в Божественной литургии прежде всего, в церковных песнопениях богослужебного круга затем» [Василий (Кривошеин) 2003, с. 16, 84]. Именно эти названные митрополитом Иларионом книги, согласно определению Св. Синода от 7–8 и 18 марта 1917 г., и были подвергнуты правке. Иначе говоря, правка богослужебных чинов по своей сути затронула область вероучения.

В русле политической линии Св. Синода, рассматриваемой на примере исправлений богослужебных чинов и молитвословий, имело место и иное богослужебное творчество. До весны 1917 г. заметное место на церковных службах занимало моление о столичных городах, в которых жили или когда-либо жили цари, хотя бы и нехристианские. Эти города в церковных чинах именовались «царствующими». К ним, кроме столицы Российской империи, относились Москва, Казань, Астрахань, Тобольск, Тифлис и Варшава. В этих городах на всех основных службах моления возносились не «о граде сем», а «о царствующем граде сем». В первые недели после революции в упомянутых столицах внимание верующих

привлекло исключение из молитв слова «царствующий», что воспринималось как понижение статуса города и неуважение к его истории [Об отречении... 1917, л. 16; «Петроградские ведомости», 1917, № 58, с. 2]. Это соответствовало упомянутым определениям Св. Синода, сделанным в марте 1917 г., с появлением которых употребление таких «контрреволюционных» слов, как «император», «царствующий» и им подобных, практически исчезло из официального лексикона богослужебной практики ПРЦ.

Как видим, через несколько дней после начала Февральской революции Российская церковь перестала быть «монархической», фактически став «республиканской». В послефевральский период 1917 г. государственный строй в России, по словам профессора Б. Н. Миронова, «трудно подвести под существующие в науке дефиниции»: страна была демократической республикой, но без парламента; причем она находилась в условиях, когда старый государственный порядок был уже разрушен, а новый еще не установлен [Миронов 2003, т. 2, с. 161]. Потому Св. Синод в богослужебных чинах провозгласил Россию «народовластной» страной (т. е. страной, в которой установлена власть народа). Говорить об этом позволяет тот факт, что Временное правительство, сформированное членами Государственной думы, в определенной степени являлось органом народовластия. И Святейший правительствующий синод, не дожидаясь, по словам П. Н. Милюкова, «голоса высшего судьбы и властелина — народа в Учредительном Собрании» [Милюков 1924, с. 23] об образе правления, повсеместно заменив в богослужебных чинах поминовение царской власти молитвенным поминовением народовластия, фактически провозгласил Россию республикой. Как неизбежное и закономерное следствие «духовных» действий церковной иерархии Россия и была объявлена А. Ф. Керенским 1 сентября 1917 г. республикой: ибо с богословской точки зрения действие «духа» предшествует и обуславливает действие «плоти».

Провозглашение А. Ф. Керенским России демократической республикой до решения Учредительного собрания (потенциально — высшего органа государственной власти) не имело юридической силы, а было осуществлено по желанию революционной демократии. Соответственно и действия Св. Синода стали осуществлением желания представителей высшего духовенства — «революционной иерократии» — уничтожить царскую власть и разрешить тем самым многовековой теократический вопрос о «священстве—царстве» — вопрос о том, кто является главой земной церкви: светский или духовный владыка, кто главнее, первосвященник или царь.

Если различные политические партии и социальные группы общества, двигавшие революционный процесс, были заинтересованы в свержении авторитарной власти российского императора, то духовенство было заинтересовано не только в уничтожении монархии, но и (в первую очередь) в «десакрализации» царской власти. Священноначалие, в частности члены Св. Синода, стремились обосновать, что между царской властью и какой-либо формой народовластия нет никаких отличий: «всякая власть — от Бога». Это соответствовало поверхностной трактовке слов апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13, 1:2). По этому поводу профессор Санкт-

Петербургской духовной академии архимандрит Ианнуарий (Ивлиев) дает разъяснение: «К сожалению, в истории толкования этих слов Апостола слишком подчеркивалась мысль о том, что всякая мирская власть, добрая она или злая, — *от Бога*. Из истории известно, что это часто вело к злоупотреблениям. Сказать о том, что *власть от Бога*, — всё равно что ничего не сказать, ибо всё от Бога, не только *власть*. Как-то не принимается во внимание, что Апостол употребил не предлог *аро* (*от*), а предлог *хуро* (*под*)». Далее, ссылаясь на Святое Писание, архимандрит подчеркивает, что власть всего лишь служанка Божия (Рим. 13: 4). И апостол Павел в условиях, когда население Римской империи обожествляло власть и ее носителей, ненавязчиво полемизировал с этим языческим заблуждением и указывал власти ее место служанки. «Если она добросовестно несла свою обязанность исполнять волю Бога как своего Господина, то и наша совесть должна подвигать нас на послушание ей [Рим. 13: 5]» («Журнал Московской патриархии», 2003, № 11, с. 67).

Именно выполнение условия «десакрализации» царской власти было одним из основных этапов в разрешении вопроса «священства—царства» в пользу превосходства власти духовенства (иерархической) над императорской. В необходимости «десакрализации» монархии, в «доказательстве» того, что земное царство подобно «бренной плоти», а священство подобно «вечному духу», заключался один из основных «революционных» мотивов членов высшего органа церковного управления.

Возникает вопрос: была ли у членов Св. Синода альтернатива при создании формул изменения богослужебных книг и молитвословий?

В первых числах марта 1917 г. среди духовенства, в том числе и членов Св. Синода, существовали и сторонники других поминовений, отличающихся от установленной Синодом формы. Так, митрополит Московский Макарий (Парвицкий-Невский) и архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий) 6 марта из Петрограда прислали в свои духовные консистории (епархиальные управления) телеграммы о необходимости поминовения «Богохранимой Державы Российской и христолюбивого воинства» (поминовение государственной власти в этой формуле отсутствовало) [Указы и дела монастырские, л. 84; «Нижегородский церковно-общественный вестник», 1917, № 7, с. 113]. Однако 7–8 марта оба иерарха поставили свои подписи под вышеупомянутым постановлением Св. Синода, установившим официальный вариант поминовения государственной власти.

3 марта, т. е. по получении высочайших актов 2 и 3 марта 1917 г., на общем собрании духовенства Костромы была установлена новая форма молитвы — «О благоверных предрержащих властях». В тот же день представителями московского духовенства — членами Государственной думы — было принято решение вместо молитв за царя и царскую фамилию произносить «О Велицей Державе Российской и правителях ея». Благочинные Москвы до получения соответствующего указа Св. Синода решили поминать «Богохранимую Державу Российскую и правительство ея». В Свято-Троицкой Сергиевой лавре поминали «О богохранимой державе Российской и Христовом воинстве»; то же — при пении тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя». В Петрограде собрание благочинных предписало духовенству молиться о «Правительстве богохранимой державы Российской». Духовенство г. Ставрополя во главе с епископом Александровским Михаилом (Космодемьянским) решило установить поминовение «Богохранимой державы Российской и христолюбивого

воинства». Подобные формулы поминовения были приняты и в других местах [Об отречении... 1917, л. 27; Указы Московской Духовной консистории 1917, л. 5]¹¹.

Перечисленные молитвы были достаточно неопределенными по своему содержанию. Однако их общая форма с поминовением «правительства» или «властей» подчеркивала неопределенность самой российской власти до окончательного решения Учредительного собрания. Постановления же Св. Синода об однозначном упразднении поминовения царской власти и необходимости на богослужениях молиться только о народовластии (Временном правительстве) в противоположность решениям с мест не оставляли, по сути, шанса российской монархии, ее возвращению, если бы к этому склонилось Учредительное собрание, пусть даже в конституционной форме.

Звучали и молитвословия, в формулировках которых проводился тезис об установившейся в России «неопределенности» формы правления (между монархией и республикой того или иного типа). Например, священник Алексей Вешняков Троицкой Устьевской церкви Вологодской епархии на протяжении весны 1917 г. совмещал молитвы о Временном правительстве и царской власти, чем подчеркивал в богослужениях временную нерешенность вопроса о форме государственной власти до соответствующего решения Учредительного собрания. Расследование, назначенное обер-прокурором Синода по доносу прихожан этой церкви, проведенное викарным епископом Вельским Антонием (Быстровым), установило, что священник Алексей «поминал, и никогда не отказывался помянуть новое правительство», но одновременно «упорно продолжал за богослужениями помянуть прежнее правительство» [Переписка по жалобам прихожан... 1917, л. 186–186 об.]. Молитва о царе вплоть до конца марта и даже до конца апреля 1917 г. возглавлялась и в отдельных приходах различных епархий: например, в Екатеринбургской, Оренбургской, Таврической, Херсонской, Тамбовской, Казанской, Тверской, в пригородах Петрограда и в действующей армии [Переписка с Екатеринбургской духовной консисторией... 1917, л. 30; Шавельский 1998, с. 118; Зарин 1937, с. 59; Игрицкий 1929, с. 34, 84, 221; Грекулов 1969, с. 165; Емелях 1976, с. 65, 71; Колоницкий 2001, с. 61; Боже 1998, с. 110–111]¹². Однако такие примеры были единичны: буквально по одному-два, максимум — три в каждой из названных епархий.

Таким образом, весной 1917 г. в Православной церкви со стороны отдельных (единичных) представителей духовенства звучали молитвословия, в которых отразилось сложившееся в стране положение — исторической альтернативы в отношении формы правления. Деятельность этих священнослужителей соответствовала положениям «Акта...» великого князя Михаила Александровича о временной «неопределенности» формы власти в России. Но, расходясь с действиями Св. Синода, сводившимися к поддержке «укрепления и углубления» революционных преобразований в государстве, эта «промонархическая» проповедническая деятельность подвергалась преследованию как со стороны высшего органа церковно-

¹¹ См. также: [Колоницкий 2001, с. 61–62; «Костромские епархиальные ведомости» (1917, № 6, Отдел офиц., с. 74–75), «Русское слово» (1917, № 50, с. 3), «Черниговское слово» (1917, № 2958, с. 3), «Пензенские епархиальные ведомости» (1917, № 6, Отдел неофиц., с. 207), «Петроградский листок» (1917, б/н, Экстренный вып., март, с. 1), «Слово и жизнь» (1917, № 19, с. 4), «Тифлисский листок» (1917, № 54, с. 2), «Батумские вести» (1917, № 2177, с. 3), «Далёкая окраина» (1917, № 3212, с. 1)].

¹² См. также: «Калужский церковно-общественный вестник» (1917, № 12, с. 11), «Утро России» (1917, № 100, с. 6), «Херсонские епархиальные ведомости» (1917, № 8, Отдел неофиц., с. 76).

государственного управления, Святейшего правительствующего синода, так и его обер-прокурора [Бабкин 2011, с. 396–406].

На наш взгляд, основной мотив Св. Синода в ходе «революционной» правки богослужебных чинов и молитвословий заключался в желании уничтожить, свергнуть царскую власть как «харизматического конкурента», обеспечить себе монополию на «ведение», «обладание» и «распоряжение» «волей Божией» и на практике доказать свой тезис, согласно которому «священство выше царства», «священство — вечно, божественно и непреложно, а царство земное — изменчиво, бrenно и преходяще». Именно по причине противостояния священства царству вопрос о теоретической возможности установления в России конституционной монархии даже не рассматривался официальными органами церковного управления. Политика Св. Синода с первых чисел марта 1917 г. была направлена на приветствование и узаконивание народовластия.

В целом уже к 7 апреля 1917 г. практически все места богослужебных книг ПРЦ, где ранее поминалась царская власть, были исправлены. Проводилась замена поминовений императора и лиц Царствующего Дома (по версии Св. Синода — «царствовавшего») поминовениями «благоверного Временного правительства». Однозначная замена царской власти на народовластие не соответствовала политическому положению страны, поскольку образ правления в России должно было установить Учредительное собрание (конституанта). Содержание же измененных книг соответствовало республиканскому устройству России как якобы свершившемуся факту.

Действия Св. Синода в 1917 г. свидетельствовали о его нежелании видеть политическое положение России на перепутье — с временной неопределенностью будущей формы государственности. Выбор органом высшего церковного управления был сделан в пользу становления новой власти, а не «реставрации» монархии. В результате благодаря идеологическому влиянию высшего органа церковного управления и на 130-тысячное подведомственное ему духовенство, и на более чем 100-миллионную православную паству¹³ была по сути ликвидирована вероятность монархической альтернативы политического развития России. И революция, опираясь на ряд факторов, получила необратимый характер. Политическая позиция Св. Синода обусловила также «безмолвное» исчезновение с российской политической сцены правых партий, православно-монархическая идеология которых с первых чисел марта 1917 г. фактически лишилась поддержки официальной церкви. Таким образом, можно утверждать, что члены Св. Синода в марте 1917 г. осуществили определенное вмешательство в политический процесс и способствовали установлению нового строя в Российском государстве. Они не только пошли по пути назревших социальных изменений, но и выступили в качестве одной из составляющих сил «освободительного» движения, сыграв одну из важных ролей в процессе свержения монархии.

Анализ измененных в марте–апреле 1917 г. богослужебных книг позволяет прийти к выводу, что члены высшего органа церковного управления относились к императорской власти не как к сакральной власти помазанника Божьего, а как к переходной форме политической системы, соответствующей определенному

¹³ Подробные статистические сведения см., напр.: [Обзор деятельности... 1917, с. 1–3].

историческому этапу развития России. В период Февраля 1917 г. Святейший Синод ПРЦ выступил как орган, легитимирующий и в определенном смысле сакрализирующий новую власть, и в этом смысле он стал своеобразным инструментом социальных изменений, а не фактором консерватизма и стабильности.

Источники и литература

- Андреева Л. А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 90–100.
- Андреева Л. А. Феномен секуляризации в истории России: цивилизационно-историческое измерение. М.: Институт Африки РАН, 2009. 198 с.
- Асмус В. В., протоиерей. Церковные полномочия византийских императоров // *Православная государственность: 12 писем об Империи*. Сб. статей / под ред. А. М. Величко, М. Б. Смолина. СПб.: Изд-во Юридического института, 2003. С. 130–139.
- Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.
- Бабкин М. А. Церковные полномочия православных императоров Византии и России // *Вестник архивиста*. 2013. № 4. С. 130–139.
- Боже В. С. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска. 1917–1937 гг. // *Челябинск неизвестный*. Краеведческий сб. Вып. 2. Челябинск, [Б. и.], 1998. С. 107–198.
- Булгаков С. Н., свящ. Из «Дневника» // *Вестник Русского Христианского Движения*. Париж; Нью-Йорк; Москва: 1979. № 130. С. 256–274.
- Василий (Кривошеин), архиепископ. Символические тексты в Православной Церкви. [Б. м.]: Сардоникс, 2003. 95 с.
- Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской традиции (историко-правовые очерки). СПб.: Изд-во Юридического института, 2006. 237 с.
- Виноградов В. П., протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности святейшего патриарха Тихона // *Церковно-исторический вестник*. 1998. № 1. С. 8–40.
- Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX — начало XX вв.). М.: Наука, 1969. 184 с.
- Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 4. М.: Государственный архив Российской Федерации; Новоспасский монастырь, 1996. 253 с.
- Емелях Л. И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л.: Наука, 1976. 183 с.
- Журналы заседаний Временного правительства // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Канцелярия Временного Правительства. Оп. 1. Д. 6.
- Зарин П. Февральская революция и церковь. (По архивным материалам Чернозёмных губерний) // *Антирелигиозник*. 1937. № 3. С. 58–66.
- Игрицкий И. 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. М.; Л.: [Б. и.], 1929. 360 с.
- Иларион (Алфеев), епископ. Православное богослужение как школа богословия и богомыслия // *Церковь и время*. 2003. № 1 (22). С. 60–82.
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 439 с.
- Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 гг. и в последующие десятилетия // *Журнал Московской патриархии*. 1994. № 2. С. 68–87.
- Милюков П. Н. История второй Русской революции. Т. 1, вып. 3. Агония власти. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1924. 308 с.
- Миния дополнительная. СПб.: Синодальная типогр., 1909. 285 с.
- Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: «Весь мир», 2012. 848 с.
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.
- Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции (1) // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 72–84.
- Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции (2) // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3. С. 106–115.

- Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 567 с.
- Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг.: Синодальная типогр., 1917. 146 с.
- Об отказе Великого князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского (статья №54 от 3 марта 1917 года) // Собрание узаконений и распоряжений Правительста. Отд. 1. Пг.: Сенаторская типогр., 1917. С. 534.
- Об отречении Государя Императора Николая II от престола государства Российского и о распоряжениях Синода в связи с установлением нового государственного управления // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 204. 1917. I отд., V стол. Д. 54.
- О прекращении празднования царских дней (статья №124 от 16 марта 1917 года) // Собрание узаконений и распоряжений Правительста. Отд. 1. Пг.: Сенаторская типогр., 1917. С. 1068.
- Основные государственные законы Российской империи // Свод законов Российской Империи (СЗРИ). Т. I, ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб.: Государственная Канцелярия, 1906. 76 с.
- Переписка по жалобам прихожан разных церквей и других лиц на деятельность местных священников, не соответствующую новому государственному строю // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 86. 1917. III отд. V стол. Д. 22.
- Переписка с Екатеринбургской духовной консисторией о перемещении и назначении церковнослужителей, о церковноприходских школах, по хозяйственным вопросам и др. (5.01.1917 — 15.12.1917 г.). // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 251. Благодичный Камышловского уезда. Оп. 1. Д. 309.
- Письмо религиозно-философского общества в Петербурге об отношении государства к Церкви // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Канцелярия Временного Правительства. Оп. 1. Д. 1461.
- Плетнёва А. А.* Исправление богослужебных книг в начале XX века // Славяноведение. 1994. № 2. С. 110–116.
- Поздеева И. В.* Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 112–120.
- Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 6–9.03.1917 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 2832. № 1207–1530.
- Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 9–24.03.1917 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 2833. № 1531–1779.
- Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2008. 632 с.
- Служебник. М.: Московский Печатный двор, 1623. [Без пагинации].
- Служебник. М.: Московский Печатный двор, 1652. [Без пагинации].
- Служебник. М.: Московский Печатный двор, 1655. [Без пагинации].
- Служебник. М.: Московский Печатный двор, 1658. [Без пагинации].
- Служебник. М.: Московский Печатный двор, 1707. [Без пагинации].
- Служебник. М.: Синодальная типогр., 1824. [Без пагинации].
- Служебник. Пг.: Синодальная типогр., 1916. [Без пагинации].
- Сове Б. И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. Сб. V. М.: Московская патриархия, 1970. С. 25–68.
- Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Из записок судебного следователя Н. А. Соколова. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1998. 391 с.
- Страхова О. Б.* Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // Palaeoslavica (Cambridge). 2007. [Vol.] XV/2. P. 117–206.
- Тальберг Н. Д.* Перед судом правды. Третий Рим: возвышение и крушение. Чаемая монархия. Русская смута. Кн. 2. М.: Правило веры, 2004. 624 с.
- Указы и дела монастырские // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1207. Чудов монастырь. Оп. 1. Д. 63.

- Указы Московской Духовной консистории. 1917 г. // Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 420. Московский Симонов ставропигиальный мужской монастырь. Оп. 1. Д. 17.
- Указы Московской конторы Св. синода монастырю // Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 420. Московский Симонов ставропигиальный мужской монастырь. Оп. 1. Д. 1102.
- Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука-Классика, 2002. 480 с.
- Церковь // Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913, Т. 2. С. 2327–2337.
- Часослов учебный. СПб.: Синодальная типогр., 1908. [Без пагинации].
- Чинóвник архиерейской священнослужения. М.: Синодальная типогр., 1890. [Без пагинации].
- Шавельский Г. И., протопресвитер. Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 111–121.

References

- Andreeva L. A. Process dechristianizacii v Rossii i vznikovenie kvazireligioznosti v XX veke. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. Moscow, 2003, no. 1, pp. 90–100. (In Russian)
- Andreeva L. A. *Fenomen sekuliarizacii v istorii Rossii: civilizacionno-istoricheskoe izmerenie*. Moscow. Ed. by The Institute for African studies, 2009, 198 p. (In Russian)
- Asmus V. V., archpriest. *Cerkovnye polnomochiya vizantijskih imperatorov. Pravoslavnaia gosudarstvennost': 12 pisem ob Imperii*. Ed. by A. M. Velichko, M. B. Smolina. St. Petersburg, Law Institute Publ., 2003, pp. 130–139. (In Russian)
- Babkin M. A. *Cerkovnye polnomochia pravoslavnykh imperatorov Vizantii i Rossii. Vestnik of an archivist*, 2013, no. 4, pp. 130–139. (In Russian)
- Babkin M. A. *Sviashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. — 1918 g.). Issledovania i materialy*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 920 p. (In Russian)
- Bozhe V. S. *Materialy k istorii tserkovno-religioznoi zhizni Chelyabinska. 1917–1937 gg. Chelyabinsk neizvestnyi. Krayevedcheskii sbornik*. Issue. 2. Chelyabinsk, [S. n.], 1998, pp. 107–198. (In Russian)
- Bulgakov S. N., priest. Iz “Dnevnik” [From “Diary”]. *Vestnik of the Russian Christian Movement* (Paris; New York; Moscow), 1979, no. 130, pp. 256–274. (In Russian)
- Vasily (Krivoshein), archbishop. *Simvolicheskie teksty v Pravoslavnoi Tserkvi*. [S. l.], Sardoniks Publ., 2003, 95 p. (In Russian)
- Velichko A. M. *Tserkov i imperator v vizantijskoi i russkoi traditsii (istoriko-pravovye ocherki)*. St. Petersburg, Law Institute Publ., 2006, 237 p. (In Russian)
- Vinogradov V. P., protopresbyter. O nekotorykh vazhneishih momentakh poslednego perioda zhizni i deyatelnosti svjatejshego patriarha Tihona. *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, 1998, no. 1, pp. 8–40. (In Russian)
- Grekulov E. F. *Tserkov, samodержavie, narod (2-ia polovina XIX — nachalo XX vv.)*. Moscow, Nauka Publ., 1969, 184 p. (In Russian)
- Deianiya Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossijskoi Tserkvi 1917–1918 gg.* Volume 4 Moscow, Ed. by The State Archive of the Russian Federation; Novospasski monastyr', 1996, 253 p. (In Russian)
- Emelyah L. I. *Krestyane i Cerkov nakanune Oktyabrya [1917]*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 183 p. (In Russian)
- Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossijskoy Federatsii (GARF)*, f. 1779. Kantselyariya Vremennogo Pravitel'stva, op. 1, d. 6. (In Russian)
- Zarin P. *Fevralskaya revolyuciya i tserkov'*. (Po arhivnim materialam Chernozymnykh guberniy). *Antireligioznik*, 1937, no. 3, p. 58–66. (In Russian)
- Igrickiy I. *1917 god v derevne. Vospominaniya krestyan*. Moscow; Leningrad, [S. n.], 1929, 360 p. (In Russian)
- Hilarion (Alfeyev), bishop. *Pravoslavnoye bogoslužheniye kak shkola bogosloviya i bogomyслиya. Tserkov' i vremya*, 2003, no. 1 (22), p. 60–82. (In Russian)
- Kolonickiy B. I. *Simvoli vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoi kultury rossijskoi revolyucii 1917 g.* St. Peterburg, Dmitry Bulanin Publ., 2001, 439 p. (In Russian)
- Kravetsky A. G. *Problema bogoslužhebnoyazika na Sobore 1917–1918 gg. i v posleduyuschie desyatiletiya. Zhurnal Moskovskoi patriarhii*, 1994, no. 2, pp. 68–87. (In Russian)
- Milyukov P. N. *Istorija vtoroi Russkoi revolyucii*. Volume 1, issue 3. The agony of power. Sofia, The Russian-Bulgarian Publishing House, 1924, 308 p. (In Russian)
- Mineya dopolnitelnaya*. St. Petersburg, Synodal'naya tipografiya, 1909, 285 p. (In Russian)

- Mironov B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoy Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiia: ot tradicii k modernu*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2015, volume 3, pp. 676–691. (In Russian)
- Mironov B. N. *Russkaya revolyuciya 1917 goda v kontekste teorii revoliutsii (1)*. *Obschestvennie nauki i sovremennost*, 2003, no. 2, pp. 72–84. (In Russian)
- Mironov B. N. *Russkaya revolyuciya 1917 goda v kontekste teorii revoliutsii (2)*. *Obschestvennie nauki i sovremennost*, 2003, no. № 3, pp. 106–115. (In Russian)
- Mironov B. N. *Socialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)*. *Genezis lichnosti, demokraticheskoy semi, grazhdanskogo obschestva i pravovogo gosudarstva*. In 2 vols. St. Petersburg, Publ. Dmitriy Bulanin Publ., 2003, volume 2, 567 p. (In Russian)
- Obzor deyatel'nosti Vedomstva pravoslavnogo ispovedaniya za 1915 god*. Petrograd, Synodal'naia tipografiia, 1917, 146 p. (In Russian)
- Ob otkaze Velikogo kniazia Mikhaila Aleksandrovicha ot vospriiatiia Verkhovnoi vlasti vpred' do ustanovleniia v Uchreditel'nom sobranii obraza pravlennia i novykh osnovnykh zakonov Gosudarstva Rossiyskogo (stat'ya №54 ot 3 marta 1917 goda) *Sobraniye uzakonenii i rasporyazhenii Pravitel'stva*. Otd. 1. Petrograd, Senatorskaya tipografiia, 1917, p. 534. (In Russian)
- Ob otrechenii Gosudarya Imperatora Nikolaya II ot prestola gosudarstva Rossiyskogo i o rasporyazheniyakh Sinoda v svyazi s ustanovleniyem novogo gosudarstvennogo upravleniya. *Rossiyskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)*, f. 796. Kantseliariia Sviateishego sinoda, op. 204 (1917), I otd., V stol., d. 54. (In Russian)
- O prekrashchenii prazdnovaniia tsarskikh dney (stat'ya № 124 ot 16 marta 1917 goda). *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Pravitel'stva*. Otd. 1. Petrograd, Senatorskaia tipografiia, 1917, p. 1068. (In Russian)
- Osnovnye gosudarstvennye zakony Rossiyskoy imperii. *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii*. Volume I, part 1. *Svod osnovnykh gosudarstvennykh zakonov*. St. Petersburg, Gosudarstvennaia Kantseliariia Publ., 1906, p. 76. (In Russian)
- Perepiska po zhalobam prikhozhan raznykh tserkvey i drugikh lits na deyatel'nost' mestnykh svyashchennikov, ne sootvetstvuyushchuyu novomu gosudarstvennomu stroyu *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskii arkhiv (RGIA)*, f. 797. Kantseliariia ober-prokurora Sinoda, op. 86 (1917), III otd., V stol., d. 22. (In Russian)
- Perepiska s Yekaterinburgskoy dukhovnoy konsistoriyei o peremeshchenii i naznachenii tserkovnosluzhiteley, o tserkovnoprikladskikh shkolakh, po khozyaystvennym voprosam i dr. (5.01.1917 — 15.12.1917 g.). *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO)*, f. 251. Blagochinnyi Kamyshevskogo uezda, op. 1, d. 309. (In Russian)
- Pis'mo religiozno-filosofskogo obshchestva v Peterburge ob otnoshenii gosudarstva k Tserkvi. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)*, f. 1779. Kantseliariia Vremennogo Pravitel'stva, op. 1, d. 1461. (In Russian)
- Pletneva A. A. Ispravlenie bogoslužebnih knig v nachale XX veka. *Slavyanovedenie*, 1994, no. 2, pp. 110–116. (In Russian)
- Pozdeeva I. V. Liturgicheskiy tekst kak istoricheskii istochnik. *Voprosi istorii*, 2000, no. 6, pp. 112–120. (In Russian)
- Protokoly Sinoda 1721–1917 gg.: 6–9.03.1917 g. *Rossiyskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)*, f. 796. Kantseliaria Sviateishego sinoda, op. 209, d. 2832, № 1207–1530. (In Russian)
- Protokoly Sinoda 1721–1917 gg.: 9–24.03.1917 g. *Rossiyskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)*, f. 796. Kantseliaria Sviateishego sinoda, op. 209, d. 2833, № 1531–1779. (In Russian)
- Rossiyskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu*. (*Materiali i arhivnye dokumenti po istorii Russkoy pravoslavnoi cerkvi*). Comp.-ed., preface and comments by M. A. Babkin. Moscow, Indrik Publ., 2008, 632 p. (In Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Moskovskiy Pechatnyi dvor, 1623, [without pagination] (In Old Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Moskovskiy Pechatnyi dvor, 1652, [without pagination] (In Old Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Moskovskiy Pechatnyi dvor, 1655, [without pagination] (In Old Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Moskovskiy Pechatnyi dvor, 1658, [without pagination] (In Old Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Moskovskiy Pechatnyi dvor, 1707, [without pagination] (In Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Moscow, Sinodal'naia tipografiia, 1824, [without pagination] (In Russian)
- Sluzhebnyk* [Missal]. Petrograd, Sinodal'naia tipografiia, 1916. [Without pagination] (In Russian)
- Sove B. I. Problema ispravleniya bogoslužebnih knig v Rossii v XIX–XX vekah. *Bogoslovskie trudi*. Volume V. Moscow, 1970, pp. 25–68. (In Russian)

- Sokolov N. A. *Ubiystvo carskoy semi: Iz zapisok sudebnogo sledovatel'ia N. A. Sokolova*. St. Petersburg, The Spaso-Preobrazhensky Valaam monastery Publ., 1998, 391 p. (In Russian)
- Strahova O. B. Oficialnaia titulatura russkikh patriarhov v izdaniiah Moskovskogo Pechatnogo dvora (1589–1700 gg.). *Palaeoslavica*, 2007, volume XV/2, pp. 117–206. (In Russian)
- Talberg N. D. *Pered sudom pravdy. Tretii Rim: vozvishenie i krushenie*. Book 2. Moscow, Pravilo veri Publ., 2004, 624 p. (In Russian)
- Ukazy i dela monastyr'skie. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)*, f. 1207. Chudov monastyr', op. 1, d. 63. (In Russian)
- Ukazy Moskovskoi Dukhovnoi konsistorii. 1917 g. *Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv g. Moskvy (TSIAM)*, f. 420. Moskovskii Simonov stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', op. 1, d. 17. (In Russian)
- Ukazy Moskovskoy kontory Sv. sinoda monastyriu. *Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv g. Moskvy (TSIAM)*, f. 420. Moskovskii Simonov stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', op. 1, d. 1102. (In Russian)
- Uspenskii B. A. *Etiudi o russkoi istorii*. St. Petersburg, Publ. Azbuka Publ., 2002, 480 p. (In Russian)
- Tserkov'. *Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'*. In 2 vols. St. Petersburg, Izdatel'stvo P. P. Soykina, 1913, volume 2, pp. 2327–2337. (In Russian)
- Chasoslov uchebnyi* [The book of hours of training]. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografiia, 1908, [without pagination]. (In Russian)
- Chinovnik arhiereiskogo sviashchenosluzheniia*. Moscow, Sinodal'naia tipografiia, 1890, [without pagination]. (In Russian)
- Shavelsky G. I., protoprevsiter. Tserkov' i revoliutsiia. *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, 1998, no. 1, pp. 111–121. (In Russian)

Received: 31.03.2017
Accepted: 10.08.2017